

Много зим, много вьюг
 пронеслось над горячей Магниткой.
Много песен пропето
 в забоях, в цехах, на лесах,
Много песен о Сталине
 прочным бетоном залито.
И гудеть нашим домнам,
 как песням, о нем —
 • без конца!

УТРОМ

Когда синева играет
С утренними огнями,
Когда не избит, не истоптан
Застенчивый первый снег,
Когда потухают звезды
За розовыми домами —
Я сплю

и не вижу город.
Я вижу работу во сне.
Я размечаю проводку,
Подсчитываю замеры,
Спору с седым монтером
И выверяю насос...
Но вдруг все ломается —
трубы
С мест убегают, как змеи.
Я просыпаюсь и радуюсь: —
Времени семь часов,

Надо успеть надернуть
Брюки, пиджак, ботинки.
Надо умыться и рысью
Обычные две версты.
Уже на стекле окошка,
Как на фотопластинке,
Прямой и высокий город
Выходит из темноты.
Он поднимает шторы,
Он открывает двери,
Жарит на примусах завтрак
Кричит,

одевается,

ест...

Он для детишек сонных,
Сказочным Гулливером,
Новенькие трамваи
Тянет за ниточки рельс.
Так пробуждается город —
Улицы и тротуары.—
Трубы навстречу солнцу
Тянутся и дымят.—
Так обливаются светом
Площади и базары,—
День начинают обычный,
Не замечая меня.—

А я уже врос в работу —
Совсем:

 с головой, с руками,
Спокойный и деловитый,
Уверенный и простой.
Так по паркетам новым
Резвыми каблуками
Входит в здоровый полдень
Фабрика Сантехстрой.

1933, январь

*
* *

Челябинск затих,
но за трактором
Разогрета ночь добела:
Небо дрожит
над тракторным
Пожарищем
электраламп.
Тучи схватила качка,
Коробит покровы снегов,
И лампа моя, как бабочка,
Рвется в окно на огонь!
Мне не ложится на койке,
Я не могу отдохнуть, —
Тот, кто года на стройке, —
Не выдерживает
тишину!
Улицу давит холод.
Ветер гудит в проводах,

Играет завод, как всполох,
Мигает на лыжных следах...
...Лыжи скользят по тракту,
А ночь без луны бела.
Небо цветет
 над тракторным
Пожарищем
 электраламп.

1932, февраль

•

*
* *

Весна водостоков, калиток
и урн,
Доступная на осязанье.
И ветер на льдинках
играет ноктюрн
Вступленьем к стихам
без названья...
Распахнуты окна и двери...
И трест —
Шумлив, суетлив, как на сборах,
И галки галдят
и пытаются сесть
На флаг и на купол собора.
О чем прокричать
в этот радостный
день
Под звон,
под рожки

и гуденье? —
Жить! —
Здороветь и в борьбе,
и в труде,
Носить напряженно
всегда и везде
Весеннее
сердцебиение!

1933, апрель

* * *

Ушла земля под лентою из рельс,
Ушел, качаясь по обрывам, лес.

Состав стучал.

Кривой лесной аллеей
Ушли свистки.

И на дворе темнеет...
Большой закат озолотил тайгу,
И тени замирают на снегу.

И смят мороз.
Наперекор зиме,
На ближний лес

Закат бросает медь.
И слышно мне: не перестав шуметь,
Состав считает буферную медь,
А лес плывет...

Деревьям нет конца...
И ждешь не станцию,
а тройку в бубенцах.

И ждешь не зарево огней — лесную муть,
Столб верстовой и рыжую корчму...

Визжат колеса... Круче поворот.
Лес оборвался.

И в окно завод
Влетел, как песня.

Строен и здоров
Упругим строем труб и скрубберов.
Какая встреча!

Руки фонарей
Рефлекторами машут на горе.
Какая встреча!

И на всех парах
Гудки кричат:

~~Привет, железный брат!~~
— Ну, как дела?

— У нас? — Идет литье!
И паровоз, покашливая, пьет...

И виден мне прекрасный новый век.
Громадный корпус.

Рядом человек.
На нем лучи.

Он землю бросил в жар,
Потомок мастера кремневого ножа!